

ганізації.

Розпад Радянського Союзу в серпні 1991 р. фактично підірвав національний рух німців. Хоча і незначні, але певні паростки консолідації етносу були зруйновані. Доля німців колишнього СРСР залежала тепер від урядів держав, що утворилися на пострадянському просторі, у тому числі України.

Протягом 1991 – 1993 рр. лідери руху здійснили кілька спроб утворити об'єднану силу для німців, розмежованих тепер ще й державними кордонами. Було проведено три з'їзди німців колишнього СРСР (18 – 20 жовтня 1991 р., 20 – 22 березня 1992 р., 26 – 28 лютого 1993 р.). Усі три форуми готувалися в атмосфері напруженої боротьби між організаторами навколо ідейних питань, складу делегатів тощо. Усі з'їзди обговорювали проблему майбутнього німців, створювали різні органи, що мали опікуватися цим. Так, наприклад, I з'їзд утворив виконавчий орган – „Раду з реабілітації німців СРСР”. У кінці грудня 1991 р. вона стала називатися міждержавною. Проте поступово незалежні держави приступили до формування власних основ етнонаціональної політики, а отже, і самостійного розв'язання етнічних проблем. Наддержавні структури за таких умов ставали непотрібними. Це розуміли і багато активних учасників німецького національного руху.

31 грудня 1991 р. Президент України Л. Кравчук підписав два укази: „Про порядок зміни громадянами України національності” та „Про порядок зміни громадянами України прізвищ, імен та по батькові”. Ці документи дозволили німцям – громадянам України змінювати прізвища за своїм бажанням, а також відкрили можливість для повернення раніше депортованих німців у місце колишнього проживання і створення ними компактних поселень.

Таким чином, 70 – 80-і рр. ХХ століття були в історії радянських німців періодом боротьби за свої політичні і національні права. Він вилився у масовий рух, який мав у своєму розвитку спади та піднесення. Були створені органи етнополітичної самоорганізації, проте вони діяли не узгоджено, лідерам була властива надмірна амбіційність, боротьба за владу, максималізм, нездатність консолідуватися навколо головної мети – відродження автономії. Держава, не маючи ефективної національної політики, часто уникала розв'язання етнонаціональних проблем, заганяла їх у глухий кут. Це й послужило одним з детонаторів, що спричинив розвал імперії.

Джерела та література

1. Конституція України (із змінами і доп.). – К.: Атіка, 2006. – С.5.
2. Кулинич І., Кривець Н. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К.: Інститут історії України НАН України, 1995. – 272 с.; Очерки истории немцев и менонитов Юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Под ред. Бобылевой С., Бочарова Н., Безносова О. и др. : Институт украинско-германских исторических исследований Днепропетровского государственного университета. – Днепропетровск: Арт-Пресс, 1999. – 231 с.; Калакура О., Рафальський О. Німецькі поселення в Україні: повернення до храму? // Діалог. – 2000. – №1. – С.101 – 105.
3. История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) \ Составители Ауман В.А., Чеботарёва В.Г. – М.: РАУ – Корпорация, 1993. – С. 190 – 193.
4. Там само. – С. 200.
5. Бауер В., Илларионова Т. Российские немцы: право на надежду. – М.: Республика, 1995. – С. 67.
6. История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). – С. 273 – 275.
7. Відомості Зїзду народних депутатів і Верховної Ради СРСР. – № 23. – М.: Видання Верховної Ради СРСР, 1989. – С. 449.
8. История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). – С. 281 – 282.
9. Кригер В. Еще раз о консолидации сил // Нойес Лебен. – 1989. – № 43.
10. Бауер В., Илларионова Т. Вказ. праця. – С. 141 – 142.
11. Съезд перенесен? Съезд состоялся? // Нойес Лебен. – 1991. – № 11.
12. Нойес Лебен. – 1991. – № 11.
13. Бауер В., Илларионова Т. Вказ. праця. – С. 147 – 149.
14. Указ Президента СССР // Нойес Лебен. – 1991. – № 26.
15. Нойес Лебен. – 1991. – № 28.
16. Бауер В., Илларионова Т. Вказ. праця. – С. 445.

Горюнова Е.А.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ ХІ В. ПРИХОД К ВЛАСТИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

Актуальность темы. Проблема исламизации власти в странах Ближнего и Среднего Востока вызывает серьезные опасения у всего мирового сообщества, поскольку зачастую на власть в мусульманских странах претендуют радикальные исламские круги, стратегия которых направлена на усиление религиозного вектора, как во внутренней, так и во внешней политике. Наряду с воинствующими исламскими режимами, представленными в Иране и до недавнего времени в Афганистане в лице движения талибов, в ряде государств региона внедряется концепция "мягкого ислама", где роль религии скорее сводится к возрождению духовности в обществе и опирается на моральных принципах и ценностях. Примером такого государства вполне может стать Турция, где в настоящее время у власти находится исламская партия – Партия справедливости

и развития. С нашей точки зрения, опыт Турции в вопросе балансирования между исламом как составной частью духовной жизни общества и принципом секуляризма может оказаться показательным примером для многих государств региона, и прежде всего, для молодых среднеазиатских государств, которые с момента распада СССР неоднократно сталкиваются с серьезными проблемами в политической жизни.

Цель данной работы – проанализировать специфику политической деятельности исламской партии Справедливости и развития в контексте реализации стратегии "мягкого ислама".

Историография проблемы. Тема политического ислама была предметом изучения как советских, так и зарубежных тюркологов на протяжении XX века. При этом ведущие советские историки (Гасратян М.А. Данилов В.И., Кондакчян Р.П.) не рассматривала проблему становления политического ислама, ограничиваясь рассмотрением роли исламских партий в политической системе страны, а также освещая их влияние в социальной жизни.

Российские авторы в большей степени интересуются собственно проблематикой исламизации власти на просторах Ближнего и Среднего Востока, что нашло свое отражение в работах Киреева Н.Г., Ахундова Э., Старченкова Г. и других.

Западные и собственно прозападные турецкие авторы пытаются рассматривать проблему в контексте демократических перемен, которые проходили в Турции на протяжении второй половины XX века, считая при этом, что всяческое сдерживание исламских политических сил на пути к власти и стали причиной роста их популярности среди населения, что и обусловило их приход к власти. При этом, многие исследователи полагают, что турецкие исламисты начала 21 в. кардинально отличаются от своих предшественников 70-90-х наличием более умеренных взглядов, поэтому "исламская революция" Турции не грозит.

Турция – первая в истории исламского мира страна, в которой произошло полное отделение религии от государства, а роль ислама была ограничена сферой личной жизни человека. Главная заслуга в этом принадлежит турецкому лидеру – Мустафе Кемалю, который в начале XX века осуществил ряд важнейших преобразований, благодаря которым Турция вступила на путь вестернизации. С 1937 года принцип лаицизма, зафиксированный в основном законе государства, становится доминирующим аспектом внутривнутриполитической жизни страны. Однако, проведение столь радикальных реформ, затрагивающих религиозные чувства населения, оказалось возможным только вследствие личного авторитета национального героя страны – Мустафы Кемала (Ататюрка). Стремительная вестернизация турецкого общества не учитывала духовного и культурного наследия прошлого, а часть реформаторов толковали принцип светскости как атеизм, что болезненно воспринималось большинством турок, которые не перестали при этом быть правоверными мусульманами. Однако, во второй половине XX в. исламские идеи обретают новую оболочку и становятся программными лозунгами политических партий, которые в 60–70-е годы вступают в легальную борьбу за власть в стране. Согласно турецким правовым нормам, эти партии запрещали, но они возрождались вновь под другими названиями, меняли лидеров, сохраняя лишь преданность исламу. При этом реальной силой, защищающей принципы вестернизации, среди которых краеугольным является принцип лаицизма, остается турецкая армия, которая неоднократно вмешивалась в политическую жизнь страны и посредством военных переворотов возвращала страну в русло провозглашенной Ататюрком политики.

Либерализация экономической и политической жизни страны в 90-е годы расширила возможности для политического ислама, что и позволило исламистам прийти к власти и возглавить правительство в 1996 г. Лидер Партии благоденствия Н Эрбакан, став премьер-министром, достаточно быстро продемонстрировал базовые принципы своей программы, совершив демонстративный визит в Ирана и выдвинув идею формирования "мусульманского рынка" в противовес "общему рынку" Европы. Эти выступления оказались фатальными для премьера-исламиста и стоили ему премьерского кресла – в результате очередного бескровного военного переворота Н. Эрбакан был отстранен от власти, а его Партия благоденствия оказалась под запретом. Однако, наученные опытом долгой борьбы за власть сторонники Эрбакана тут же создали новую партию – Партию процветания (Fazilet), которая на очередных выборах хоть и уступила националистам, но всё же имела вес в парламенте. Эта партия также была в 2001 г. запрещена Конституционным судом Турции, так как в её документах обнаружено покушение на светский характер турецкого государства.

Очень быстро на развалинах Fazilet возникла Партия справедливости и развития (ПСР). Лидером её является Реджеп Тайип Эрдоган, бывший мэр Стамбула конца 90-х гг. Правда, и ему запрещено было занимать государственные посты, так как он был судим за публичное чтение собственного стихотворения, в котором усмотрели разжигание религиозной розни: «Мечети – ниши казармы, минареты – наши штыки, купола – наши шлемы, а верующие – наши солдаты» [1]. Новая партия во главе с амбициозным и харизматичным лидером быстро завоевывает доверие избирателей, что воспринимается военными кругами страны как опасный сигнал. Армия, выступая в качестве гаранта сохранения курса Ататюрка, в очередной раз попыталась сдержать стремительное продвижение исламистов в парламент и добиться запрета на деятельность Партии справедливости и развития. Однако активисты партии подчёркнуто строго соблюдали турецкие законы, не допуская высказываний, противоречащих Конституции. В результате все претензии носили словесный характер, и касались либо прежних судимостей лидеров партии, либо действий, которые были совершены несколько лет назад. Именно поэтому избирком опротестовал участие в выборах лидера Партии справедливости и развития Р. Эрдогана.

Неразбериха на политическом олимпе страны в начале нового столетия и постоянные политические и экономические кризисы стали причиной досрочных парламентских выборов 2002 года, которые оказались фатальными для правящей коалиции, и, прежде всего, Демократической левой партии, открыв дорогу к

власти Партии справедливости и развития. Проведенные накануне выборов социологические исследования демонстрировали, что большая часть населения страны недовольна проводимой политикой правительства Б. Эджевита. В частности, на вопрос нужна ли Турции новая партия, 42% анкетированных высказались положительно, а с тем, что стране нужен новый лидер, согласились 72%. Исследование также показывает, что основными мотивами предпочтения являлись не идеологические критерии, а профессионализм, вера в способность вывести страну из кризиса – 32,3% [2]. Поэтому ПСР шла к власти в 2002 году скорее не как исламская партия, а как альтернатива старой власти, не сумевшей справиться с насущными проблемами страны.

Социальная база современных турецких исламистов представлена отнюдь не патриархальными жителями Восточной Анатолии, а включает в себя как представителей малообеспеченных слоев населения, разочаровавшихся в политике левых партий, так и часть буржуазии, которая видела в ПСР новую силу, способную вывести страну из затянувшегося политического кризиса. "Они верят в Бога, значит будут жить по совести", - так говорили избиратели ПСР накануне выборов, связывая с незапятнанной репутацией Р. Эрдогана свои надежды на лучшую жизнь. При этом выбор этой партии по причине её религиозной принадлежности сделали не более 2,6 % респондентов [3]. Немаловажным является и тот факт, что в современной Турции мусульманская партия и партия шариата – это совершенно разные политические силы. И если вторая ратует за возвращение к средневековым порядкам, то первая, напротив, проповедует концепцию "мягкого ислама".

Большинство избирателей проголосовали за партию Эрдогана не из-за его религиозных высказываний, а вследствие включения в программные документы партии базовых демократических принципов. Хотя не обошлось и без популистской экономической программы, которая предусматривала слишком бурный экономический рост Турции.

Победе ПСР невольно способствовали сами турецкие власти. Незадолго до выборов генеральный прокурор Турции Сабих Канадоглу обратился с просьбой объявить ПСР вне закона, т.к. её лидер ранее был замечен в пропаганде межрелигиозной розни и отсидел 4 месяца в тюрьме, что временно лишило его права заниматься политической деятельностью [4]. Однако, Конституционный суд не стал торопиться с вынесением вердикта партии Эрдогана, дело было отложено за два дня до выборов "для того, чтобы дать её руководство имело возможность подготовиться к защите". Скандальный конфликт с прокуратурой добавил сторонникам Эрдогана лишние очки.

Если же рассматривать общую ситуацию, в которой проходили выборы, и анализировать объективные причины победы ПСР, то можно отметить, что большая часть населения Турции попросту устала от острой политической борьбы между традиционными партиями на фоне обострения экономического кризиса. Турецкий народ хотел смены политической элиты, и это оказалось возможным с помощью молодого и энергичного Р. Эрдогана, который сумел зарекомендовать себя неплохим менеджером еще в качестве мэра Стамбула.

В результате досрочных выборов 2002 г. ПСР получила почти 34% голосов избирателей и 363 депутатских места в парламенте, что дало ей право самостоятельно формировать правительство. Второй партией прошедшей в парламент стала Партия Ататюрка – Народно-республиканская партия, получившая чуть более 19% голосов избирателей. Остальные партии не смогли преодолеть 10% барьера.

Данная ситуация оказалась достаточно непростой для турецкой армии как гаранта сохранения существующей системы власти и равновесия в стране. Попытка силовым путём отстранить от власти исламистское правительство могла окончательно похоронить планы Турции на вступление в Евросоюз. А усиление новым кабинетом исламского элемента в жизни страны могло привести к ревизии принципа лаицизма, снижению влияния военных и других светских институтов. Военные вновь пристально наблюдают за ситуацией в стране, намекая, что любой резкий крен в сторону исламизации политической и общественной жизни приведет к моментальному запрету партии Комитетом Национальной безопасности. Общество восприняло бы подобные вмешательства генералитета в политику как норму, поскольку традиционно армия в Турции традиционно более авторитетна, чем политические партии и режим "контролируемой демократии" сохранил свои атрибуты и в начале нового тысячелетия.

Ситуация осложнялась и тем фактором, что через несколько недель после парламентских выборов в Копенгагене должен был проводиться очередной саммит Европейского Союза - организации, к которой Турция безуспешно пытается присоединиться более 40 лет. Приход к власти исламистов мог перечеркнуть все евроинтеграционные устремления Анкары. Правда, следует отметить, что в своих программных документах ПСР и ее лидер неоднократно высказывались за продолжение политики евроинтеграции и приверженность европейским демократическим ценностям. Поэтому мнения европейских политиков и аналитиков относительно турецких выборов разделились. Одни считали, что ПСР не заинтересована в повторении ошибок правительства Эрбакана, спровоцировавшего выступление военных, и будет проводить более взвешенную и осторожную политику. "Вряд ли ПСР столь активно боролась на выборах лишь для того, чтобы совершить затем политическое самоубийство", - заявлял один из западных дипломатов [5]. Гораздо больше в политических и финансовых кругах опасались ошибок, обусловленных отсутствием у ПСР должного опыта управления и относительно слабой экономической программы. Наиболее оптимистично были настроены американские аналитики, увидевшие в Эрдогане исламского реформатора, который сумеет доказать ближневосточным государствам, что экономически развитая мусульманская страна может принять правила игры западного мира и процветать [6]. Некоторые европейские аналитики рисовали довольно мрачные картины будущего исламистской Турции, уверяя, что с приходом к власти Эрдогана страна навсегда потеряет шанс на объединение с Европой.

Несмотря на сложность ситуации, 18 ноября 2002 года на пост премьер-министра был назначен один из заместителей Эрдогана Абдуллах Гюль. Сам лидер партии не смог занять пост премьера по той причине, что согласно турецкому законодательству главой правительства мог стать только депутат парламента, а Эрдоган был лишен возможности баллотироваться на выборах из-за судимости. Поэтому он продолжал играть заметную роль только в зарубежных поездках.

На саммите ЕС представляющий Турцию Р. Эрдоган продемонстрировал приверженность прозападной ориентации, что было воспринято как в Брюсселе, так и в самой Турции, как явное свидетельство приверженности страны идеям евроинтеграции. Отвергая слова Н. Эрбакана, назвавшего Евросоюз "христианским клубом", Р. Эрдоган открыто выступил за полноправное членство Турции в ЕС при сохранении при сохранении традиционных ценностей турецкого народа [7].

Получив массовую поддержку населения страны, лидеры исламской ПСР не стремились провозгласить кардинальную смену политического курса, видимо памятуя, чем закончились подобные деяния для первого премьера-исламиста Н. Эрбакана. Главной целью внутренней политики назвали борьбу с коррупцией, а основным внешнеполитический приоритетом объявили курс на интеграцию с общеевропейскими структурами и продолжение сотрудничества в рамках НАТО.

Р. Эрдоган неустанно продолжал уверять своих соотечественников в том, что его партия ни в коем случае не намерена навязывать стране построение фундаменталистского общества. Турция – единственная светская демократическая республика из всех мусульманских государств. По словам руководителя ПСР, новое правительство должно быть «честным, надежным, эффективным и динамичным», а его политика будет основываться на уважении к светским ценностям турецкого народа [8]. В своей риторике Р. Эрдоган даже провел аналогии между собственной партией религиозного толка с христианско-демократическими партиями Европы, которые играют ключевую роль в ведущих странах ЕС.

Освещая экономическую программу правительства, Эрдоган обещал продолжить выполнение программы экономической стабилизации с помощью 16 миллиардного кредита МВФ. Эта программа была направлена в первую очередь на предотвращение дефолта по государственным долгам. При этом исламисты уверенно заявляли, что в отличие от своих предшественников конца 90-х, они не имеют предубеждений против данной организации, а сам Эрдоган осудил как недостойный призыв «вытолкать МВФ вон», провозглашенный приверженцами фундаментализма [9].

Конечно, современные исламисты Турции кардинально отличаются от воинствующего Эрбакана и его сподвижников, однако, следующие шаги нового правительства дают повод для серьезных раздумий. В частности, осенью 2004 в Стамбуле на Мусульманском финансовом форуме, было принято решение об определении важнейшего финансового показателя – индекса Доу Джонса для Турции с учетом "исламского менталитета", то есть в него не будут включаться фирмы, производящие табак, алкоголь, товары из свинины и индустрия развлечений. Некоторые аналитики расценили этот шаг как прямое нарушение принципов лаицизма.

Одной из важнейших составляющих политики нового правительства, по словам Р. Эрдогана, должна стать работа по усовершенствованию конституционных норм государства. Этот вопрос напрямую затрагивал и самого Р. Эрдогана, который пожизненно был лишен права быть депутатом или премьером, что прямо противоречит правовым нормам ЕС. Большинство в парламенте страны позволило ПСР внести изменения в Конституцию поправки, позволившие опальному лидеру баллотироваться на довыборах. В частности, было введено положение о свободе слова и вероисповедания, в соответствии с которым действия, за которые был осужден Эрдоган, перестали рассматриваться как уголовно наказуемое преступление.

14 марта 2003 года Эрдоган стал премьером, что, безусловно, взволновало армию и западных политиков. "Военные решат для начала выждать и понаблюдать за его действиями. Эрдоган знает, что произойдет, если он перейдет черту", - предупреждали европейские дипломаты [10]. И с первых же заявлений нового премьера стало ясно, что переступить черту он не намерен. "Ислам не препятствие для демократии. Демократия объединяет всех турок, верующих и неверующих", - продолжал демонстрировать свои демократические взгляды новый премьер Турции [11].

Вскоре после выборов стало очевидно, что новая власть стремилась рекламировать не свои "корни", т.е. прежние связи с исламистским движением и партиями, напротив, Эрдоган предпочитал говорить об уникальной и исторической миссии своей партии в 21 веке. На одной из своих первых встреч с журналистами после победы на выборах Эрдоган отметил историческую значимость произошедшего события – "установление власти нации", что позволит обеспечить экономическую стабильность, конкурентную рыночную среду, постоянный экономический рост, позволит добиться справедливого распределения национального дохода, ликвидировать нищету. По его мнению, Турция сможет принять активное участие в строительстве нового мирового порядка и занять достойное место в мире как надёжное демократическое государство. Он подчеркнул, что выполнение этой миссии "будет зависеть от реорганизации многих политических и управленческих структур страны", имея в виду реформирование избирательной системы, партий, правовой системы в целом, "создававшей препятствия в вопросах реализации прав и свобод человека... ПСР как демократическая партия открыта нашей истории, культуре, национальным ценностям и современным переменам в мире". Звучали обещания реформировать контроль над бюджетом страны, ускорить приватизацию, развивать реальный сектор экономики, поощрять мелкое производство товаров и услуг. "Турция, - заявил Эрдоган, - будет срочно поставлена на правовой фундамент, подлежат обновлению Уголовный, Торговый кодексы. В начальном и среднем образовании – акцент на профессиональное и техническое обучение. Будет заново перестроен Совет по высшему образованию (СВО)" [12].

При посещении Торговой палаты Стамбула в июле 2003 г. Эрдоган признал, что основные трудности протекают из межцивилизационного конфликта, поэтому он делал упор на то, что руководству ЕС "Турция представит модель демократического ислама". Первым делом новые власти приступили к пересмотру тех действующих в Турции законодательных принципов, которые противоречили европейским правовым канонам.

6 августа 2003 г. парламент Турции одобрил законопроект, значительно ограничивающий полномочия Совета национальной безопасности (СНБ), куда наряду с главой государства и ключевыми должностными лицами входят представители высшего военного командования страны.

Согласно закону, представители турецкой армии лишаются права возглавлять СНБ, а все его решения будут иметь всего лишь рекомендательный характер. При этом парламент и правительство могут отвергнуть любое предложение совета. Кроме того, генеральный секретариат СНБ, где также преобладали военные, должен назначаться премьер-министром и утверждаться президентом. Депутаты парламента в этом случае получают также право контролировать военные расходы. Этот закон значительно ограничил роль военных в политической жизни страны.

По мнению наблюдателей, решение парламента носило революционный характер: впервые за всю историю брошен серьезный вызов руководству турецкой армии, которая призвана стоять на страже светского пути развития, а СНБ являлся главным инструментом, посредством которого генералитет контролировал внешнюю и внутреннюю политику, служил преградой на пути происламских течений. Принятие подобного документа однозначно можно расценить как крупный успех премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана. Именно он стал главным инициатором принятия парламентом решения об ограничении полномочий СНБ. На первый взгляд реакция турецких генералов на решение парламента оказалась на удивление спокойной. Министр обороны Вежди Гёнюль поддержал позицию законодателей. Тем не менее, на заседании Высшего военного совета Турции, в котором принимал участие и премьер-министр, представители генералитета настаивали на том, чтобы ключевую должность генерального секретаря СНБ еще в течение года занимал представитель военных, после чего этот пост перейдет в руки гражданских [13].

СНБ Турции перестал быть "тайной за семью печатями" - согласно закону частично снимается секретность на деятельность СНБ. Таким образом, граждане Турецкой Республики, которые пережили не один военный переворот, впервые получили возможность узнать, кто конкретно назначается в СНБ и каким образом регулируется его работа. Как отмечала турецкая печать, таким образом, парламента сделал еще один шаг на пути демократизации общества и вступления Анкары в Евросоюз, который приветствовал решение турецкого парламента. "Мы настроены на то, чтобы выполнить все необходимые условия", - заявил глава МИД Турции Абдуллах Гюль [14].

Однако если официальный Брюссель одобрил политическую линию Эрдогана, ряд западных аналитиков напротив считали, что этот тактический ход был предпринят специально для того, чтобы постепенно ослабить армию и затем установить в Турции шариатские законы. Анализируя политику исламистов прошедших лет, можно сказать, что пока эти пессимистические прогнозы не оправдались.

Наблюдались некоторые попытки реформирования сферы религиозного образования. 14 мая 2004 г. Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) одобрило правительственный законопроект о Совете по высшему образованию страны, который дает право учащимся религиозных лицеев поступать в университеты. Против этого законопроекта выступали традиционно стоящие на защите светских принципов турецкого государства военное руководство, президент Турции, а также ректоры университетов и представители деловых кругов. Они обвиняли однопартийный кабинет министров в стремлении к исламизации страны. Предыдущий закон давал право учащимся религиозных школ поступать только на теологические факультеты вузов. Сторонники светского развития Турции выразили опасения, что, с принятием данного законопроекта, лица, получившие первоначальное образование в религиозных школах, со временем займут ключевые позиции в руководстве страны, что может стать серьезной опасностью для светских основ Турецкой Республики.

В голосовании приняли участие 258 депутатов парламента Турции, из них 254 проголосовали "за", а 4 - "против". Депутаты Народно-республиканской партии, критикующие законопроект, в голосовании участие не приняли - в знак протеста они покинули зал заседаний. Однако этот закон не вступил в силу, поскольку президент Турции Ахмет Неджет Сезер воспользовался правом вето. Однако, этот проигрыш исламистов может оказаться лишь временным отступлением. Светские круги опасаются дальнейшего наступления исламистов в сфере образования, что может привести к поэтапной постепенному сужению действия принципа лаицизма.

Одной из приоритетных задач правительство Р. Эрдогана в религиозной сфере видит в повышении качества подготовки имамов, обучении их иностранным языкам для того, чтобы направлять их на работу в страны Европы с целью содействовать адаптации миллионов турок, проживающих в странах ЕС, к новым условиям жизни, а также предотвращению роста экстремизма среди европейских мусульман. "Наша цель - представить ислам как источник мира и дружелюбия и, конечно же, не как орудие насилия», - заявил Р. Эрдоган, подчеркнув, что экстремисты в среде духовенства, имеющие недостаточное религиозное образование, представляют угрозу для мусульманских общин [15].

Незадолго до начала реализации данной программы из Германии был депортирован турецкий имам, который якобы увещевал своих учеников приветствовать теракты и насаждал ненависть в отношении американцев и иудеев.

Поиски активистами Партии справедливости и развития нового имиджа для партии, обращение к понятию «демократический ислам» стали насущной задачей для руководства партии. При этом ПСР стремится

уйти от прежнего открытого противопоставления светским кругам, ищет способы соединения не всегда совместимых лозунгов и предпочтений. Яркий пример – подготовка празднования 80-й годовщины республики, отмечавшейся 29 октября 2003 года. Впервые годовщина отмечалась с привлечением Управления по делам религий: во всех мечетях провозносилась проповедь "государство и республика в исламе", во всех провинциях проводились семинары по теме – "деятели религии в годы республики", шли передачи по телевидению и радио по схожей теме – "религиозные деятели в национально-освободительной борьбе" [16].

Газета «Сабах» в дни подготовки к юбилею Республики продемонстрировала высказывания различных политиков и интеллектуалов относительно того – нарушила ли ПСР за время пребывания у власти принцип лаицизма, светскости в своих действиях и высказываниях или не нарушила. Ответы свидетельствуют о том, что светская элита ещё не уяснила для себя до конца, какой смысл вкладывают в понятие "лаицизма" лидеры ПСР. Немало опрошенных утверждали, что, подготовив такие законы, как закон о высшем образовании, новая власть перешла запретный рубеж, нарушила принцип лаицизма. Например, профессор Стамбульского университета Устюн Эргюдер писал: "В наше стремительное время успеха добиваются те, кто шагает в ногу с переменами, но беспокойство относительно ПСР остаётся. Обещанные ими изменения очень интересны и позитивны, однако всё это должно сопровождаться реальными действиями, ... тот, кто говорит о переменах, должен это подтверждать. Такую переменную я увидел в сближении с Европой. Однако в проекте закона о высшем образовании я прочёл совсем противоположное, его временные статьи меня встревожили, они вызывают беспокойство". Его коллега, профессор Ф. Аджар заявил: "В обществе существует некоторое беспокойство относительно понимания ПСР принципов лаицизма, пока удовлетворительного ответа на такого рода вопросы нет. За 10 месяцев наблюдается развитие консервативной тенденции. Утверждается, что извлечены уроки из накопленного за 80 лет опыта и изменения направлены в положительную сторону" [17].

Очевидно, что это были только первые шаги исламистов у власти, робкие попытки реализации своего политического курса "мягкого ислама" в стране, где принцип светскости был одним из важнейших элементов формирования нового образа турецкой государственности. Поэтому любое покушение на принцип лаицизма вызывало шквал негодования в прессе, резкую критику со стороны политических оппонентов. Однако, памятуя о печальном опыте своих предшественников, современные турецкие исламисты действуют достаточно осторожно и прагматично, стремясь поэтапно добиться реализации своих целей, главной из которых остается евроинтеграционная стратегия.

Анализируя внутриполитические реформы и внешнеполитические устремления Турции в начале 21 в. вопрос об истинных целях Партии справедливости и развития остается для многих аналитиков без ответа. Некоторые специалисты считают, что проводимые реформы позиционируют ПСР как умеренную исламистскую партию, которая стремится доказать, что мусульманская страна достойна быть членом демократического мира и добиться весомых успехов на международной арене. С другой стороны, приверженность исламским канонам лидера партии, что наиболее наглядно проявляется в соблюдении исламских норм женской половиной семьи премьера – его жена и дочери строго соблюдают каноны одежды и не появляются на людях без хиджаба – наводят на мысли о скрытых целях партии, которая медленно и уверенно ведет Турцию к шариатскому режиму. Однако, на наш взгляд вторая позиция выглядит несколько надуманно, поскольку главный защитник турецкого секуляризма – армия – собирается поддержать кандидатуру Р. Эрдогана на будущих президентских выборах, что говорит о высокой степени доверия премьеру-исламисту.

Источники и литература

1. Sabah. – 12.10.1999
2. Milliet. – 25.04.2002
3. New York Times. – 15.10.2002
4. Sabah. – 22.08.2002
5. The Independent. – 10.12.2002
6. New York Times. – 23.11.2002
7. The Independent. – 28.12.2002
8. Milliet. – 25.04.2003
9. Sabah. – 15.03.2003
10. New York Times. – 21.03.2003
11. Sabah. – 17.03.2003
12. Sabah. – 23.12.2002
13. Milliet. – 23.08.2003
14. Sabah. – 12.09.2003
15. Sabah. – 23.07.2004
16. The Independent. – 04.11.2003
17. Sabah. – 20.08.2003.